

Внезапно зашелестела жемчужная занавеска, драгоценные камни закачались, и все в зале побледнели. Это был император Чу, который шаг за шагом спускался с трона. Он правил миром более тридцати лет, и теперь, спускаясь по ступеням, он был похож на тигра, готовящегося к прыжку. Сяо Шанли сжал зубы, а император Чу вдруг громко засмеялся:

— Значит, ты невиновен и даже заслуживаешь награды, преданный и почтительный! Без тебя мой Чу погрузился бы в хаос — если бы ты не действовал решительно и не казнил их без указа, страна бы уже пала — не так ли!

Пот мгновенно выступил на спине Сяо Шанли, его лицо стало белым как снег. Он заставил себя не отступить, а, наоборот, шагнуть вперед, словно шёл по горам из ножей и огня, среди костей и крови. Он споткнулся и упал на колени перед ступенями, перед императором Чу, и сказал:

— Я не осмеливаюсь.

Чиновники и князь Шоушань стояли за ним, не смея пошевелиться. Император Чу не дал ему встать и ударил его ногой в грудь, как это было с князем Шоушанем, сбросив его с ступеней. Громкий удар заставил всех в зале покрыться потом. Гао Э тоже дрожал, встал с места и, поддерживаемый учениками, опустился на колени.

Сяо Шанли лежал на полу, пот катился по его лбу, и он долго не издавал ни звука. Император Чу закричал:

— Изменник, кто же ещё, как не ты! Стража, сюда! Сюда!

Сяо Шанли вдруг заплакал, показывая слабость:

— Отец...

Его прекрасные глаза были красными, и он тихо сказал:

— Я слышал, что «то, что делает высший, подражает низший», «если вышестоящий любит что-то, то нижестоящий будет любить это ещё больше». Ваше Величество, вы — милосердный император, который спас народ от бедствий во времена упадка династии Чжоу, открыл мир для всех... Ваше Величество, вы уже построили великую основу для Чу, которая останется в истории как пример святости. Но из-за того, что в разных местах есть подхалимы, которые ищут милости, льстят вышестоящим и угнетают нижестоящих, со временем ваша слава страдает. Я... люблю ваше Величество и не могу смотреть на это, поэтому предпочитаю оскорбить вас, но высказать своё мнение...

Зазвенели доспехи, и с обеих сторон вошли стражники с оружием. Увидев, как Сяо Шанли плачет, эти грубые люди вдруг растерялись, уставились и несколько раз уронили свои медные

орудия, не решаясь даже крикнуть на него. Сяо Шанли, весь в слезах, поднялся с пола, встал на колени и подполз к императору Чу, обнял его ноги и, трижды поклонившись, сказал, задыхаясь:

— Прошу ваше Величество прекратить строительство дворца, чтобы не давать шанса подхалимам. Я готов умереть ради этого совета. Если ваше Величество не согласится, прошу казнить меня.

Император Чу, хотя и знал, что Сяо Шанли использует преданность и почтительность, чтобы давить на императора, погрузился в раздумья. Его лицо, с жемчужными слезами на ресницах, с повязкой, сползшей и открывшей красный шрам — яркий, как цветущий пион, — его губы потеряли цвет, а на лбу дрожал кровавый след. Он словно увидел лицо князя Цзинчэна, окровавленное месяц назад, и ещё раньше — на пиру в первый месяц года, когда князь Цзинчэн ещё не был тем принцем, которого он боялся, а был его единственным любимым сыном, который готов был умереть за него, защищая от убийцы. Тогда он пришёл в ярость, почти уничтожив всех на пиру, но почему теперь он так жесток к своей плоти и крови?

Наследный принц, князь Цыян, князь Инчуань — все они в детстве сидели у него на коленях.

«Сажаю дыни под жёлтой террасой, дыни созревают и опадают. Сорву одну — дыня станет лучше, сорву две — дыня станет реже. Сорву три — ещё можно» — но что, если сорвать четыре? Его колени уже пусты, и если он убьёт князя Цзинчэна, трон, который он защищал тридцать лет, убив трёх сыновей, кому он достанется? Князю Шоушаню, такому посредственному?

Он холодно посмотрел на князя Цзинчэна. Его лицо было проклятием! В лице Сяо Шанли он увидел черты, которые искал всю свою пятидесятилетнюю жизнь. В оленьем парке императора Чжоу он мельком увидел её под персиковым деревом у озера, она, не слушая уговоров служанок, подняла юбку, чтобы поднять бумажного змея с надписью «Юн И», плывущего по озеру. Этот взгляд заставил его мечтать о ней каждую ночь, строить планы, уничтожать род Чжоу, чтобы сделать её своей наложницей. Хотя, получив её, он больше не чувствовал того трепета, она всё же была женщиной, которой он был одержим всю жизнь.

Император Чу словно постарел на десять лет, глядя на макушку Сяо Шанли, и хрипло сказал:

— Рискуя жизнью ради совета, ты ничего не боишься?

Дело было сделано. Сяо Шанли почувствовал, как камень свалился с его сердца, и его глаза наполнились слезами. Он действительно заплакал. Когда он играл роль, он не стеснялся плакать, но теперь он сжал губы, не желая плакать вслух, и, стоя на коленях перед императором, молчал некоторое время, прежде чем сказать:

— Я боюсь только того, что народ под властью Чу день за днём страдает в огне и воде... Жизнь народа уже висит на волоске, а я не могу спасти...

— Хватит, хватит. — Император Чу сказал:

— Какой там смертный совет, детские слова, я не буду на тебя сердиться. Сегодняшнее дело, князь Цзинчэн, зачтётся тебе в заслугу и в вину. Князь Шоушань, за сговор с преступными чиновниками и тайные сделки, отправляйся домой и обдумай свои поступки.

С отвращением он повернулся и, волоча ноги, поднялся по ступеням, вернувшись за жемчужную занавеску.

Сяо Шанли закрыл глаза, и из них скатилась слеза, неясно, радости или печали. Князь Шоушань, стоявший на коленях у ступеней, покачнулся и, не выдержав болезни, упал в обморок на глазах у всех.

Высокое здание стояло на вершине каменистого холма в усадьбе, за окном бушевали ветер и дождь, тонкие ветви роз на решётке беспомощно свисали. После полудня небо потемнело, Сяо Шанли сидел у окна, в усадьбе он не носил повязку, только простую одежду, без головного убора, его волосы были наполовину распущены, свободно ниспадая на плечи. После выступления на дворцовом совете князь Шоушань закрылся у себя, а он тоже ушёл в болезнь. Его брови были слегка нахмурены, он молча смотрел на цветы, и красный шрам на лбу был даже ярче, чем розы, мокрые от дождя.

Он мягко коснулся руки Гу Хуань и сказал:

— Уже июнь, а ты всё ещё держишь грелку, врачи такие бесполезные! Может, вызвать Инь Усяо для осмотра?

Гу Хуань засмеялась:

— Да что там, просто дожди и сырость, скоро пройдёт.

Она хотела сказать что-то утешительное, но вдруг остановилась.

Сяо Шанли хотел спросить её о Лэ Юе — с тех пор, как он ударился головой, Лэ Юй навещал его и приносил лекарства, но больше они не встречались в его снах. Внутри него беспокойно шевелилась женская гусеница, и в тишине ночи он слышал странный плач, зовущий «маму», что явно было связано с Лэ Юем.

Но он не мог спросить Гу Хуань, она знала, что произошло между ним и Лэ Юем в той комнате после битвы в саду Гэнъе, но думала, что он был в беспамятстве из-за лекарства и ничего не помнил. Ни в коем случае нельзя было вызвать её подозрения.

Если Лэ Юй не хотел оставаться, он должен был неожиданно заставить его остаться. Трон был важнее Лэ Юя, и теперь, когда трон был почти в его руках, он уже давно планировал, как

оставить человека, и не мог позволить себе провалить всё в этот момент.

Сяо Шанли сказал:

— Ты дала мне два совета. Первый — «ясное намерение».

Гу Хуань вздохнула, это было то, что она сделала вместе с Гао Э, убедив нескольких преданных чиновников написать доклад, чтобы князь Цзинчэн мог выступить и ясно выразить свои намерения. Иначе, хотя он был младшим братом наследного принца Чжаохуай, у него были старшие братья, почему он должен был бороться за трон? Почему трон должен был достаться именно ему? Нужно было, чтобы чиновники поняли, что он борется за безопасность и благополучие народа. Сколько в этом было правды, а сколько лжи, уже трудно было сказать.

Сяо Шанли продолжил:

— Второй — «поджог».

Гнев императора Чу обязательно отправил бы его в самое горячее место, и он смог бы разжечь огонь, который вернулся бы в столицу Чу. Гу Хуань вздохнула, и Сяо Шанли сказал:

— Но я не поступил так, как ты советовала, а сделал по-своему. И теперь всё сработало, как ты планировала.

За последний месяц он действовал, как будто брал уголь из огня, несколько раз шёл на риск, что не было её советом, она всегда говорила до определённого момента. Гу Хуань тихо сказала:

— Или то, как я советовала, было неправильным. В последние дни я видела во сне много прошлого, и я поняла, что ваше Величество уже всё обдумал. Если бы ты не пошёл на риск и не действовал так решительно, ты бы уже повторил судьбу Шан И.

Она вдруг улыбнулась, и Сяо Шанли поднял на неё взгляд. Его прекрасные глаза смотрели на неё некоторое время, и он сказал:

— Ты дала мне два совета, но я добавил к ним ещё один. Этот совет по сравнению с твоими кажется детской забавой, но он достаточно силён, чтобы уничтожить князя Шоушаня.

Гу Хуань сказала:

— О?

Сяо Шанли ответил:

— После дворцового совета я сказал князю Шоушаню одну фразу. Князь Шоушань скоро восстанет.

Гу Хуань зажмурилась, смерть матери князя Шоушаня долгое время была для него болью, это не было секретом при дворе, она нахмурилась:

— Ты сказал ему: «Хэ Фэй была убита вашим Величеством»?

Сяо Шанли покачал головой, его красивые черты повернулись к дождю за окном, розы уже опали на землю, но его губы были ярко-красными, и он сказал:

— Я сказал: «Отец давно знает, что ты — незаконнорожденный».

Дождь шёл до вечера, ночь началась, и на берегу пруда Тайе стоял полуводный дворец, освещённый яркими фонарями. Со всех сторон висели розовые занавески, служанки тянули верёвки, чтобы занавески колыхались, и шестнадцать красавиц танцевали внутри, держа в руках белые шёлковые веера.

<http://bllate.org/book/15272/1348105>